

Известия и зрители. - 2003. - 11 янв. - с. 6.

Запомните его таким

Исполнилось десять лет
со дня смерти Рудольфа Нуреева

Один из последних снимков Нуреева.
С Шарон Стоун. 1992 г.

**Светлана НАБОРЩИКОВА,
для «Новых Известий»**

Он умер в Париже, не дожив двух с половиной месяцев до 55-летия. Его могила на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа покрыта яркой смальтой, имитирующей разноцветный текинский ковер, символ странствий и власти над миром. Он соответствовал обоим знакам. Родился в поезде, на пути в Иркутск, где служил его отец-офицер. Пока был в силах держаться на ногах, менял города и страны с фантастической скоростью, давая более трехсот спектаклей в год. Владевший островами и дворцами, всякий раз считал своим домом театр, в котором в данный момент выступал. По интенсивности творческой жизни мог сравниться только с Анной Павловой: подобно ей, не танцевал разве что в Антарктиде.

Его яростный напор поражал, восхищал и раздражал. Габриэла Комлева, прима-балерина «Киров-балета» и соученица Нуреева по Ленинградскому хореографическому училищу, высказалась по этому поводу с жестокой определенностью: «В Рудике клокотала жизненная сила плебея. И тяга его к культуре и цивилизации была того же плебейского свойства: захватить, сделать своим, экспроприировать. И в этом, как ни парадоксально, Рудик оставался верен тем «социалистическим идеалам», от которых убежал...».

Танцовщик, хореограф, артистический директор, киноактер, фотоателье, дирижер — в каждой своей ипостаси он стремился выложиться до конца. Громкий успех и всеобщее поклонение сопутствовали всем его приключениям. Тем не менее следует признать правоту подруги юности: ни в одной сфере достижения Нуреева не были окончательны и бесспорны. Его дирижерская деятельность выглядела вынужденным шагом, желанием смертельно больного человека вновь, как и много лет подряд, выходить к публике, пусть и в ином качестве. Его директорство в Grand Opera сопровождалось скандалами и полным забвением дипломатического такта, необходимого в этой «согласовательной» должности. Его спектакли, в том числе «Баядерка» и «Ромео и Джульетта», бережно сохраняемые во Дворце Гарнье, производят впечатление пестрое и сумбурное. Они перегружены событиями, страдают отсутствием танцевальной логики, а принцип «нота — движение», чтимый Рудольфом, зачастую неудобен и солистам высшего класса.

В карьере Нуреева-танцовщика тоже много разных «но». Обласканный зрителями и критикой, кумир миллионов постоянно страдал от собственного танцевального несовершенства. Мучительно завидовал высокому, длинноногому Эрику Бруну, звезде Датского королевского балета и многолетнему возлюбленному. Переживал отсутствие внимания со стороны Джорджа Ба-

ланчина: аристократ и эстет недолюбливал выскочку-парвеню. После выступлений Михаила Барышникова звонил друзьям, ревниво допытываясь, не было ли у них «мурашек по коже». Практиковал собственное ноу-хау — танец на высоких полупальцах, ранее не применявшийся в мужском исполнительстве: благодаря этому приему его коренастые ноги с пузырчатыми мышцами казались стройнее. Любил повторять, что «у тела плохая память», и бесконечно, до изнеможения работал. После изнурительных перелетов вставал к станку и часами возвращал память телу.

И все же для истории этих усилий оказалось мало. Не только искушенные профессионалы, но и балетные неопиты, увидев Нуреева на экране, испытывают недоумение, граничащее с разочарованием. Представление о легенде оказывается намного сильнее запечатленного на пленке. Разгадка проста: Нуреев не принадлежит к числу танцовщиков, чей зафиксированный камерой облик и «произнесенный» текст дают полное представление об объекте. Экранный Нуреев лишь малая, надводная часть айсберга, мощной глыбы, чье основание характеризуется в словах, не пригодных для описания физической природы. Фирменные нуреевские харизма, аура, энергетика и магнетизм остаются по ту сторону изображения, и рассказать о них могут лишь пережившие эффект присутствия очевидцы его танца. Их многочисленная армия до сих пор живет под воздействием неистового, непредсказуемого бунтаря-одиночки, «всемирного шикарного парня», всегда и во всем выходившего победителем. Этот блистательный, покоривший мир образ стал его главным свершением.

Подобно многим великим актерам, поп-идол классического балета всюду носил свой просцениум. Самозабвенно хранил любимый имидж и на закате жизни, когда измученное болезнью тело все чаще отказывалось повиноваться. Лишь очень немногим его соратникам удалось увидеть иного Рудольфа. Один из этих счастливых, Владимир Яковлев, директор балета Татарской национальной оперы, рассказал мне о «другом» Нурееве: «Он приехал в Казань, на родину матери в марте 92-го, за семь месяцев до кончины. Дирижировал «Щелкунчиком». Когда после спектакля начались поклонны, встал у первой кулисы, чтобы видеть зал. Я сказал: «Рудольф, пора на выход». Он не поверил, переспросил: «Это меня? Мне аплодисменты?». Я взял его за руку и вывел на сцену. Помните финал фильма «Берегись автомобиля», где Смоктуновский останавливает троллейбус? У него было такое же лицо — беззащитное и счастливое. И весь он светился какой-то тихой радостью. Потом он к каждому актеру подошел, каждому пожал руку, посмотрел в глаза. Я понял, что он так прощался и хотел, чтобы его таким запомнили».

Могила на Сент-Женевьев-де-Буа.

ЕВГЕНИЙ СОРОКИН